

Плохим
мальчикам нравятся
хорошие
девочки

18+

Ирина Муравская

Ирина Муравская
Плохим мальчикам
нравятся хорошие девочки
Серия «Пижамная вечеринка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69296560

Плохим мальчикам нравятся хорошие девочки: 1;

ISBN 978-5-04-214274-1

Аннотация

«Плохим мальчикам нравятся хорошие девочки» – это роман о первой любви, которая одновременно исцеляет и наносит раны, оставляя на сердце шрамы. Она неукротима, горяча и несдержана. Такую любовь нельзя назвать идеальной, но именно она запомнится на всю жизнь.

Содержание

Плейлист	5
Глава первая	6
Глава вторая	24
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Муравская

Плохим мальчикам

нравятся хорошие девочки

© Муравская И., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Плейлист

LIRANOV – Гюрза

Mia Boyka, T-killah – Саламандра

DJ Smash, Poët – АТМЛ

ALEKS ATAMAN, FINIK – Ой, подзабыли

ALEKS ATAMAN, FINIK – Диалоги тет-а-тет

ALEKS ATAMAN, FINIK – Снежинки

ALEKS ATAMAN, FINIK – Девочка-бандитка

Глава первая

Новенький

POV САЛАМАНДРА

Начало последнего учебного года. Еще даже первая неделя не закончилась, а я уже мечтаю о выпускных экзаменах. Нет, ладно. Переборщила. Экзаменов не надо, к ним я пока морально не готова, а вот чтобы поскорее начались промежуточные каникулы... Это да, это можно.

Просто сил нет каждый день лицезреть этих напыщенных павлинов, чье самомнение настолько зашкаливает, что счесывает затылком побелку с потолка.

Ненавижу это место и однокурсников, но папа верно говорит – аттестат о завершении самого элитного в городе учебного заведения откроет любые двери. Поэтому приходится терпеть.

Ну и потому, что оплата уже внесена.

Частная высшая школа в главном курортном месте России. Огромная территория с видом на Черное море. «Прогрессивная» модульная система обучения. Углубленное изучение иностранных языков и тщательно отобранный преподавательский состав. И это даже не полный список, которым

так бахвалится здешнее учебное заведение.

Внешне все, разумеется, тоже на уровне. Евроремонт, два корпуса (старший и младший), два спортивных зала (открытый и крытый), бассейн, современное оборудование в лабораториях и прочие бла-бла-бла.

Разумеется, циферка за то, чтобы твое чадо сюда попало, заоблачная, но если ему повезло, за ним будут бегать на цыпочках. Иначе велик риск впасть в немилость у влиятельных родителей избалованных деток.

Золотая молодежь – вот кто здесь учится. Те, для кого не существует границ и которым плевать на правила. Им можно все. Чем они охотно пользуются, зная, что наказания все равно не последует.

Звонок прозвенел, но учительница английского запаздывает, поэтому в кабинете стоит гул. Пятнадцать человек в группе, а по децибелам складывается впечатление, что добрая сотня.

Кто-то самый догадливый врубил на портативной колонке клубную долбежку. Другие пытаются ее перекричать, рассказывая об эпично проведенных выходных. Третьи парят вонючие вейпы, залипая в своих последних айфонах.

Альбина, местная королева, фривольно сидит на Леше, если проводить ту же аналогию – местном короле, который велит всем величать его не иначе как Алекс.

Короткая женская форменная юбка в клетку задралась чуть ли не до трусов, но сильно это никого не заботит. Зато

беспроблемно позволяет клешне «Алекса» лапать женские бедра, пока его язык, страстно причавкивая, блуждает у нее во рту.

Не хочу ни смотреть на этот бесплатный цирк, ни слушать его, поэтому затыкаю уши беспроводными наушниками, пряча их за распущенными волосами.

Несмотря на открытое окно, в классе душно, так что пиджак давно снят и сброшен на соседнее, временно пустующее место, а рукава белой блузки закатаны по самые локти.

Форма с нашивкой геральдики школы – у нас обязательный к ношению атрибут, который вообще-то создавался с целью всех уравнивать, однако в формуле затесался небольшой просчет. Потому что каждый носит ее как захочет.

Девчонки целенаправленно укорачивают юбки, а блузки вяжут узлом на талии, выставляя на обозрение результат своих многочасовых стараний в фитнес-залах. Парни же... Да спасибо, что хотя бы просто надевают, что велят. И уже бог с ним, как именно.

– Потапова, урок начался. Слезай с Маркова. Панфилов, музыку убавь, будь любезен. – Валентина Павловна входит в класс, но всем на это до лампочки. Просьбу приходится повторить трижды, прежде чем воцаряется что-то отдаленно похожее на тишину. – Альбина, тебе особое приглашение нужно?

Увы. Эффектная брюнетка с наращенными волосами, может, и согласна слезть с благоверного, да только тот не дает.

Удерживает ее на себе насильно.

– Мы вроде никому не мешаем, – с вызовом ухмыляется Леша. В жизнь не назову его Алексом. Даже мысленно. Много чести. – А мне получать знания так гораздо приятнее.

– Марков, прояви если не уважение, его от тебя не дождешься, то хотя бы подобие.

– Я пришел. Достаточно и этого.

Стандартные разборки. Обычно на этом все и заканчивается, после чего сынка крупного бизнесмена оставляют в покое, но Валентина Павловна одна из тех немногих здесь, кто дает отпор зарвавшимся ученикам, а не смиренно терпит их наглость.

За что лично я глубоко ее уважаю, другие же открыто ненавидят. Потому что ничего не могут сделать. Несмотря на многочисленные жалобы, увольнять преподавателя не спешат. Понимают, что найти такого же специалиста по профилю будет сложно.

– Вот как пришел, так и уйди. И вещи не забудь, – спокойно декларирует англичанка. Не просит, но и не требует.

– Че? – Лицо Леша хищно вытягивается.

– Что слышал. Выйди из кабинета. Для тебя на сегодня урок закончен.

Ой-ей. Сейчас начнется.

– Дамочка, вы ничего не попутали?

– Попутал ты. Школу с борделем.

– А ну-ка, кыш. – Страхивая с себя оскорбленную куклу

с закосом на Барби, Марков грузно поднимается с места. – У вас последний шанс пересмотреть свое решение, «уважаемая» Валентина Павловна. – Не на ту попал. Англичанка, скрестив руки на груди, спокойно выдерживает зрительный натиск. А вот к дальнейшему повороту оказывается не готова. – У меня идея! А давайте выйдете вы? Все равно вы нам только мешаете. – Под всеобщее довольное улюлюканье массивная по комплекции дылда бесцеремонно принимается выталкивать хрупкую женщину к выходу. Та отчаянно сопротивляется, угрожая, но против лома нет приема: неравноценные габариты.

Дурдом. И это еще цветочки, порой случаются инциденты похлеще, но в данном случае не могу оставаться в стороне. Не с этим учителем. Других, заискивающих и боящихся потерять свое место, мне не жалко, а вот Валентину Павловну я в обиду не дам!

Вскакиваю из-за парты. Единственная. Остальные лишь глумятся, ржут и снимают все на телефоны.

Сброд. Ненавижу.

– Марков, ты совсем обалдел?! Угомонись! – чуть ли не ору, пытаясь оттянуть Лешу. Куда там. Все равно что статую пытаться сдвинуть.

– Отцепись, Саламандра. Не мешай развлекаться.

– Отличное развлечение! Достойное тебя. Только ты можешь переть на тех, кто слабее, – не прекращаю попыток, за что просто-напросто получаю с разворота по лицу. Хорошо

так, до искр в глазах.

Стоит заметить: не специально. Меня лишь хотели оттолкнуть, но не рассчитали сил.

– Сказал же, не лезь. Сныкайся в уголке и сиди, пока еще раз не схлопотала, – без каких-либо угрызений совести шикает, удерживая дверь, с обратной стороны которой сердито барабанят, но быстро перестают. – Ну все. Урок закончен, ребята, – самодовольно лыбится мерзкая рожа. – Чем займемся?

– Так и будете сидеть? – облизывая разбитую губу, свирепо оборачиваюсь к гогочущему курсу. – Хоть у кого-то есть яйца или здесь все кастрированные?!

Оскорбление отвешиваю больше от досады, не ожидая помощи, однако с последнего ряда неторопливо поднимается Виктор Сорокин – немногословный новенький. Темная лошадка, о которой никому ничего не известно: кто такой, откуда взялся, кто его родители.

И спрашивать бесполезно, потому что не ответит. Он с нашими вообще не общается, что странно. По типуажу так-то ему можно спокойно соревноваться с местными красавчиками.

Высокий, крепкий, широкоплечий, умеренно смазливый, с непослушным темным вихром, забывшим, что такое расческа, и открыто наплевательским отношением к правилам.

Мятая рубашка на нем пренебрежительно не заправлена в брюки, галстук висит на шее дохлой удавкой, а пуговицы

растянуты едва ли не до половины, давая заметить на шее блеск серебряной цепочки.

Будто гуляя по парку, Сорокин, засунув руки в карманы, лениво подходит к нам и молча оттаскивает Маркова от двери за шиворот. По весовой категории они вроде бы и равны, но Леша рядом с ним выглядит мелкой визгливой собачонкой, повиснувшей на поводке хозяина.

– Я не понял, пацан: тебе проблемы нужны? – вырываясь, рычит он.

На что Сорокин лишь равнодушно шмыгает носом, показывая всю степень своего испуга.

– Выбирай: в окно или в дверь?

– Чего?

– Тебя выйти попросили. Я предоставляю выбор: окно или дверь.

– Только попробуй.

– Пробую.

Не успевает. С опозданием понимаю, что Валентина Павловна не сидела смиренно в коридоре, а успела сбегать за директором, грузным дядькой с благородной сединой. Только его единственного хоть сколько-то боятся, и только благодаря ему удастся предотвратить неминуемую драку.

– Марков! Ко мне в кабинет! – зычно рявкает он, быстренько наводя порядок. – Немедленно! Остальные уgomонились и сели на свои места. Урок давно начался.

Вот это я понимаю – страх. Телефоны поспешно прячут-

ся, с парт торопливо спрыгивают, а в кабинете воцаряется почти гробовое молчание. Становится слышно, как жужжит включенный ноутбук на учительском столе.

– Алиса, ты как? – приподнимая мое лицо за подбородок, грустно, но с благодарностью всматривается в разбитую губу англичанка. – Сходи в медпункт.

– Не надо. Все хорошо, – ухожу к себе за первую парту, сталкиваясь в проходе между рядами с Сорокиным. – Спасибо, – коротко киваю ему.

– За что?

– За помощь.

– А я не тебе помогал. Еще остались вопросы, касающиеся моих яиц?

– Э?..

– Нет. Ну вот и славно. Значит, наглядно показывать не придется, – легонько отталкивая меня плечом, чтоб не отсвечивала, как ни в чем не бывало уходит он обратно к последним партам, падая на благоговейно скрипнувший под ним стул.

Вот вам и новенький.

* * *

«ЭДС индукции, возникающая в замкнутом контуре, равна по модулю скорости изменения магнитного потока через поверхность, которую ограничивает этот контур...»

Боже, какая чушь.

$$Ei = |\Delta\Phi/\Delta t|$$

И как я должна это выучить?

Нет. Мой мозг – чистейший гуманитарий. Хоть стреляйте, но он не способен усваивать физику, химию и высшую математику. Мне бы что попроще: литературу там, историю.

Отчаявшись что-то понять, тупо пытаюсь зазубрить, как попугайчик-говорун, определения и формулы по электродинамике, сидя в перерыве между занятиями в школьном кафетерии.

Мысленно повторяю абзацы, фиксируя основные моменты и делая несколько глотков фραппе... когда в мою спину что-то со всей дури врезается.

Со стула не улетаю, а вот рука от неожиданности дергается. Как итог – весь напиток оказывается на блузке, расплываясь мутным пятном. Прекрасно, просто прекрасно.

Раздраженно оборачиваюсь, собираясь сказать ядовитое «спасибо» неуклюжей бестолочи, но от удивления так и зависаю с открытым ртом. Даже наушник вытаскиваю, в котором все это время играла музыка, сквозь которую было не слышно, что прямо за мной развернулась драка с участием...

Ой, да ладно? Снова новенький отличился?

Двух дней не прошло, как он с Марковым после того слу-

чая довыяснял отношения за школой. Весь поток потом с воодушевлением обмусоливал подробности того, как тогда Лешу отпесочили.

А теперь вот в ход снова кулаки пошли. На этот раз не с Марковым, а с другим, вообще левым парнем. Кажется, из параллели.

Тот и в лучшее свое время не блистал харизмой Бреда Питта, а сейчас, когда его моська была не очень аппетитно украшена соусом и ошметками плавленого сыра, вовсе выглядит прискорбно.

Его что, прямо в тарелку носом приложили? Приколльно.

Суть конфликта по понятным причинам упускаю, однако стычка выходит... шумной. Стулья летят в разные стороны, народ, как и всегда, оперативно все снимает для отчетности, подзуживая примитивными кричалками, а вокруг драчунов суетливо носится тетя Нора, наша повариха, пытающаяся отодрать Сорокина от соперника, который уже даже не сопротивляется. Просто закрывает голову от прилетающих тумачков.

М-да. Кажется, кто-то страдает неконтролируемой агрессией. Экземпляр, несомненно, любопытный, но все же не настолько, чтоб уподобляться стаду баранов, жаждущих хлеба и зрелищ.

Собираю тетради с учебниками и, закинув лямку рюкзака на плечо, пробравшись вдоль стеночки, выскальзываю из кафетерия, направляясь в уборную. Отмываться.

Бесполезно. Влажные салфетки след от фраппе не берут. Только еще сильнее размазывают пятно и мочат ткань. Ну, чудесно. А мне ведь еще физику с русским в таком виде отсидживать.

С досадой швыряю использованные салфетки в урну, когда дверь с ноги открывается и в уборную вальяжно заходит...

Сорокин???

– Подвинься, – отталкивая меня бедром от раковины, сухо бурчит он, включая кран.

Эм.

– Это женский туалет, – не могу не заметить.

– И? Я толчки и не трогаю. Мне нужна только вода.

– А мужской что, закрыт на ремонт?

– Какой ближайший был, туда и зашел.

Офигенно. Отличный подход, очень удобный. Правил нет, контроля нет, манер нет. Про опрятность вовсе молчу. Снова мятая, незаправленная рубашка, снова галстук висит не пойми как, снова вихр на голове и... кроссовки.

А вот кроссовки, кстати, занятные. Не фирменные и порядком уже заношенные, однако удивительно чистенькие. Прямо заметно, что за ними ухаживают. Белая кромка подошвы, которая пачкается в первую очередь при ходьбе, чуть ли не блестит, при том что давно обтерлась от носки.

Новенькая форма, которой будто полы мыли, и древние, но вылизанные кроссы? Диссонанс.

Нет. Что-то в его образе не вяжется. И это даже не покрасневшие костяшки, которые он споласкивает от соуса.

– Нашатырем попробуй. – Мои разглядывания не остаются незамеченными, а вот я настолько отвлекаюсь на собственные размышления, что вздрагиваю от его голоса.

– Что?

– Нашатырь. И кровь, и кофе берет. – Витя коротко кивает на мою блузку.

– Знаешь не понаслышке?

– Типа того, – стряхивая капли, он тянется за бумажными полотенцами в настенном держателе, на несколько секунд оказываясь настолько рядом, что я могу разглядеть бледные шрамы у него на подбородке и виске. И чуть искривленную переносицу.

– Тебе нос ломали когда-нибудь? – зачем-то спрашиваю.

– Трижды.

– Заметно. Часто ввязываешься в драки?

– Кто-то же должен учить людей вежливости. – Ха! Кто бы его самого поучил, потому что взгляд Сорокина без малейшего стеснения гуляет там, где из-под влажной ткани проглядывает контур моего лифчика. – Надо же. У тебя там даже что-то есть.

От такой наглости едва икотой не давлюсь.

– Есть. План-капкан на миллион, – парирую, сердито скреживая руки на груди. – Готов попасть в ловушку или струсишь?

Как мне кажется, весьма эффектный выпад остается неоцененным.

– Не, я пас. Но ты пуговичку все равно расстегни. Глядишь, желаящие подтянутся. – Точным броском смятый комок отправляется в мусорное ведро. – Ладно, белобрысая. Бывай. Еще увидимся, – салютует мне небрежной отмашкой Витя и уходит.

Волшебно. Просто волшебно.

* * *

Домой возвращаюсь в не самом лучшем расположении духа. Зато привычно пешком. Весьма удобно жить на той же береговой линии, буквально в шаговой доступности от школы. Не приходится, как остальным, ожидать машину с водителем, чтоб ехать в элитный частный район.

Не спору. Там, конечно, коттеджные поселки и зеленый оазис уединения, но здесь... Какая же красотища и оживленность здесь!

Вид на море завораживающий. Свежий воздух приятно оседает солью на губах, а по теплomu песку так и хочется пройтись босиком, пританцовывая в такт аниматорской музыке, доносящейся с территорий отелей.

Беззаботность отдыхающих, томно возлежающих на шезлонге с прохладительными напитками, вызывает легкую зависть. Как и резвящиеся в лягушатнике дети. И это я мол-

чу про передвижные ларьки со сладкой ватой, горячей кукурузой и мороженым, выскакивающие на каждом шагу и соблазняющие ароматами.

Мимо многочисленных сувенирных магазинчиков с нескончаемыми толпами внутри, что в приступе экстаза скупают магнитики с эмблемой города, прохожу со снисходительной усмешкой человека, для которого такие развлечения никогда не вызывали интереса.

Вот оно, главное отличие местного от туриста. И хоть иногда я немного жалею, что мы с родителями переехали сюда (в основном меланхолия накатывает зимой, когда курортные зоны вымирают), но все равно такая жизнь – это настоящее блаженство. Вставать утром, выходить на балкон и любоваться накатывающими на берег пенными волнами... Что может быть лучше?

Я и сейчас ими любуюсь, идя по облагороженной шумной набережной, едва успевая уворачиваться от велосипедистов, скейтеров, самокатчиков, мамочек с детьми, да и просто слишком увлекшихся прохожих.

А увлечься есть чем! Атмосфера потрясающая. По одну сторону располагается переполненный шумный пляж с сотней развлечений, по другую – вереница гостиничных комплексов, самых разных мастей и стилей.

Мне прямиком в один из них.

Территория под наш отель отведена колоссальная, потому что сами здания невысокие, зато растягиваются парово-

зиком не на одну сотню метров вдоль берега, бликуя солнечным светом в панорамных окнах.

На ресепшене меня встречает привычно приветливая Анна. Коротко обмениваемся с ней парочкой фраз, после чего поднимаюсь напрямик на самый верхний этаж, отведенный под жилую зону для руководства: родительские апартаменты, мини-кухню и мою спальню с индивидуальной ванной.

Папа – владелец сети отелей в городе, и несмотря на то, что у него нет острой необходимости находиться в одном из своих филиалов круглосуточно, на семейном собрании несколько лет назад было единогласно решено перебраться из области сюда. На постоянку.

Поначалу, конечно, было непривычно от излишней многолюдности, однако в итоге обвыкнуться оказалось куда проще, чем я думала. Можно считать, что отпуск у меня теперь круглый год.

Захотела – пошла в бассейн. Захотела – на пляж. Салоны красоты на территории, спа-центры, ночные клубы, развлекательные вечерние программы, напитки в лобби, шведский стол – all inclusive. Как и вежливый флирт подвыпивших отдыхающих. Это тоже не редкость.

Опять же, убираться нет необходимости. Бросил впопыхах с утра постель, придешь – а уборщица уже все приберет и вычистит до блеска. Еще и свежих цветочков в вазочку поставит для уюта да шоколадками снабдит.

– Эй, ты меня сейчас с ног собьешь, – ласково взлохмачи-

ваю кинувшуюся ко мне Чару – добродушного пса, в холке доходящего до пояса. Такая снесет и не заметит. – Привет, привет. Фу, не слюнявсья. – Стандартный ритуал: уходишь на пять минут или на весь день – встречают тебя так, будто не видели целую вечность. Не то что некоторые. – Учись, Бегемот, – укоряюще взираю на вальяжно растянувшегося на кровати дымчатого окраса кота.

Не кота, котище. Котяру. Толстого, вечно недовольного и взирающего на всех как на кусок... того самого.

Обычная дворняга и уличный угрюмый кот, чье появление – отдельная эпопея. Несколько дней пришлось скакать вокруг папы зайчиком, умоляя разрешить их оставить. Животные ведь в отелях не приветствуются, не всякий посетитель оценит.

Не сразу и с боем, но родитель сдался. Правда, наказал – дальше моей комнаты те не выходят и сами по себе не слоняются по коридорам без дела.

Тю! Да ради бога!

У меня спальня размером со стандартную однокомнатную квартиру, им обоим тут раздолье. Кормят, поят, играют. И даже почти не получают за подранные тапки – рай для тех, кто до того мерз и голодал зимой на улице.

Закончив с объятиями, с облегчением снимаю с себя пиджак, который приходилось носить остаток уроков. Не сильно он помог, конечно, но хоть частично спрятал испорченную одежду. Безвозвратно или нет, не знаю. Попробую от-

стирать самостоятельно, а если не получится, отдам в прачечную.

Почти уже снимаю с себя блузку, когда на телефон приходит очередное уведомление о новых комментариях – реакция на недавно залитое в сеть видео с потасовкой в кафетерии.

У нас для таких сенсаций даже есть свой неофициальный школьный канал. Я туда еще не залезала, но надо, наверное, глянуть приличия ради, что все-таки творилось за моей спиной.

Заваливаюсь на кровать рядом с недовольно сощурившимся Бегемотом, включая запись. И хоть та начинается не с самого начала, суть уловить несложно.

Если вкратце: тот пацан из параллели нагрубил тете Норе. Даже не нагрубил, а брезгливо швырнул ей поднос с запеканкой, пожелав самой давиться своей дрянью. После чего и подключился Сорокин, требуя извинений.

Странно.

Помочь англичанке он сподобился лишь после того, как его эго кольнули, а тут сам подорвался. С чего такая прыть? Но не могу не отрицать: зачинщика окунули в несчастную запеканку эпично.

Ой, там даже я засветилась на заднем плане!

Ужас. Моя спина и правда такой сторбленной смотрится со стороны?! А вот волосы ничего. Но пора уже подкрасить темные корни. Все-таки блондинка – это не цвет. Блондинка

– это стиль жизни.

Плюс, объективно, мне идет. Хотя «белобрысая», как меня столь нелюбезно обласкали, все же режет слух. Джентльмен вшивый. Откуда он вообще взялся?

Попробуем проверить. Открываю приложение всем известной соцсети, вбивая его имя в поисковике и... Ничего.

«Виктор Сорокин» не ищется. Вернее, ищется, да не тот.

Ладно, а если иначе? Пробую забить только фамилию, ограничив параметры: по приблизительному возрасту и месту рождения.

Снова пустота.

Блин. Кто ж ты такой, Виктор Сорокин?

Глава вторая

Арена на Промышленном и полотенчико

POV СОРОКА

Даже если клоповник залить дорогими духами, он все равно останется клоповником. Только в придачу еще и смердеть будет. А от местной богемы несет так, что натурально блевать тянет.

На прошлом месте куда приятнее было. Народ простой, без загонов. Здесь же каждому второму охота с вертухи зарядить, а каждого третьего на крючке в гардеробной подвесить. Чтоб гонора поубавили. И эта нездоровая тяга к насилию дает понять одно – мне тут не место.

Впрочем, не новость. Это я и так знаю.

Прикол больше в том, что даже те, кто здесь вроде как и на своих правах, тоже умудряются оказаться лишними. Непременный закон бетонных джунглей: где есть слабый, всегда будет и лидер. Только вот лидеры тоже разные попадают.

Одним не требуется ничего доказывать, они просто есть. Другие же обязаны свой статус стабильно поддерживать,

чтоб его не перехватили. И лучший для этого способ – это, разумеется, самоутверждаться за счет других.

Ну а мишень найти несложно, так как слабаков видно сразу. Походка, сутулость, взгляд: все выдает в них неуверенность в себе. Один такой подобрался сегодня с утра в коридоре. Стоит, голову в плечи вжал и терпеливо сносит насмешки от столпившейся кучки деградантов.

Пытается огрызаться, да, но так жалко, что его потуги лишь сильнее раззадоривают тупое стадо. Выбиваются книжонки из рук, отвешиваются словесные оплеухи, а этот дрыщ телится и ловит саечки на испуг.

Жалкое зрелище.

Ну всеки ты им разок, дятел, не позволяй себя в стену впечатывать! Дай отпор. Да, прилетит ответка. Да, возможно, придется харкать кровью. Да, будет больно, но иначе никак.

Ссышь? Что ж, тогда сноси тумачи дальше и не жди, что кто-то тебе поможет. Не поможет, чувак. В этой жизни работает лишь один принцип: каждый сам за себя.

И я помогать не собирался. И не помогал. Чисто мимо проходил, когда один из заводил меня признал: тот самый, которого я на днях мордой в жрачку приложил. Узнал, занервничал и, отдав приказ своим шавкам, трусливо слинял. Испугался, что заступиться надумаю.

Собственно, что и следовало доказать. Один только раз стоило кого-то прижать, как авторитет сразу подскочил! Вот как надо знакомства заводить. Двойное свидание в кабинете

директора и соответствующие выговоры с угрозой исключения – не самая большая плата за такой результат в рекордно кратчайшие сроки. Огонь.

Правда, где-то в космической системе все же происходит сбой. Не все еще меня боятся. Понимаю это, когда на обеденном перерыве в кафетерии ко мне подсаживается тот самый пацан из коридора. Ну которого кошмарили.

– Привет. Ты Витя же, да? Я Миша, – дружелюбно протягивает мне тощую ладонь. Таковую же тощую, как он сам. Невысокий, нескладный, худой. Такого уложить можно с одного щелчка.

– Я что-то пропустил? – озадаченно смотрю на его конечность. – Мы когда корешами стали?

– Можем стать. Я тут подумал и решил, что нам выгодно сотрудничать.

– С чего вдруг?

– Потому что тебе нужен гид, а мне защитник.

– Гид?

– По здешнему контингенту. Ты ведь не из их компашки. Это так заметно?

– Чему я, не представляешь, как рад.

– Однако ты должен быть в теме, а я могу помочь. Я здесь всех знаю: кто он, откуда и что собой представляет.

Охренеть, помощничек выискался. Кто и что собой представляет, мне и без него очевидно. Для этого даже не требуется вводный экскурс.

– Свободен, – отбрываю прилипалу.

– Ты все же подумай. Ты здесь всего ничего, а уже нажил врагов. А с такими лучше не связываться. Особенно тем, кто не имеет выгодного родства и полезных связей.

– Тебя пинком сбить, ломая кости, или отвалишь по-мирному?

Наконец-то угроза доходит.

– Ну ладно, ладно... – Тот уже собирается отчаливать, но теперь уже я хватаю его за ремень и резко тяну, заставляя плюхнуться обратно на стул.

– Стой, гид. Даю испытательный срок. Вещай. Это кто? – киваю на вошедшую в кафетерий блондинку.

– Где? – оживает Миха, ища цель. – А, Чижова Алиса. Дочурка Чижова, владельца отелей на набережной. Слышал о таком? Алиска хорошая девчонка. Одна из немногих адекватных здесь.

Это я уже и сам заметил. Америку не открыл.

– И почему ее называют Саламандрой?

Слышал это погоняло уже не раз за последнюю неделю.

– Не знаю. Само как-то приклеилось. Все и привыкли.

Не знает? Юлит. Знает.

А девчонка так-то ничего. С характером, но без гонора. Миниатюрная, симпатичная. Не выпячивает все свое добро, как большинство, оставляя раздолье воображению, и вроде как не страдает синдромом перебора, малюясь ядренее проституток.

Короче, ничего такая, эта Саламандра. Любопытная. Крутится сейчас возле тети Норы, страдая исконно девчачьей неопределенностью: что взять к капучино? Чизкейк или медовик?

– Даже не пытайся. Без шансов, – слышу ехидное жужжание под ухом.

Втащить, что ли, ему, чтоб не бесил?

– Чего так? Парень есть?

– Вроде нет. По крайней мере, точно не из наших. Хотя многие по первой подкатывали, однако интерес быстро сошел на нет, когда поняли, что без вариантов.

– Недотрога бережет себя для единственного?

– Не знаю.

Врет. Вижу, что врет.

– А что знаешь? А еще в гиды набиваешься. Кыш давай отсюда. Испытательный срок провален, – с раздражением отмахиваюсь от него и иду к буфетной стойке, забирая из-под самого носа блондинки медовик.

– Эй, – сердито надувает губы, высовывая из уха беспроводной наушник. – Он мой!

– Теперь мой. Нечего клювом щелкать.

– Грубиян!

– Лучше спасибо скажи: избавил тебя от мук выбора. А то топчешься тут, отсвечиваешь, – насмешливо подмигиваю ей и иду обратно на уже освободившееся место. Компаньон слинял. И слава богу, толку-то от него.

Не успеваю воткнуть вилку в десерт, когда блюдо со звуком заменяется сунутым мне чизкейком.

– Вот теперь я выбрала, – вызывающе зыркает на меня кукольными глазищами и, пожелав «наиприятнейшего аппетита», уходит с медовиком.

Хе. Я уже говорил, что она забавная?

* * *

Если кто думает, что жить в южном курортном крае – сплошное очарование, советую заглянуть в спальные районы. Будьте уверены, весь городской бюджет спущен исключительно на дорогу от аэропорта до туристического побережья.

Дальше же все как везде: стандартные человейники, дыры в асфальте, заборы и серость, которую не перебивает даже цветущая зелень. Зимой же и вовсе будто все сдохло.

Спецом возвращаюсь как можно позже: в надежде, что все в отрубе. Ни хрена. Мать бухает с другом семьи на старой и медленно разваливающейся кухне.

Для наглядного понимания, насколько все паршиво: дверцы полочных шкафов давно висят перекособооченные и в толстенном слое жира, а старые обои отходят от стен пластами.

Но там они хотя бы вообще есть, в отличие от узкого коридора, где только голый бетон. Попытка сделать ремонт, не

увенчавшаяся успехом. Лет пять уж как прошло, а вдохновения на повторный подвиг ни у кого до сих пор не появилось.

Игнорирую невнятный оклик пьяной матери и сразу иду к себе, где в дверь давно врезан замок. Чтоб никто не шарился в поисках заначки на опохмел, хоть гарант не ахти какой.

Пару раз петли все равно не выдерживали буйных алконавтов, оказываясь вырванными с мясом, так что все ценное я обычно ношу с собой: наличку, телефон и цепочку с крестом – подарок от тетки на шестнадцать лет.

Да и здесь не сказать чтоб живу.

Так, доживаю. И ночью. Периодически.

Квартира с дебильнейшей планировкой: для того, чтобы попасть в дальнюю комнату, нужно пройти насквозь гостиную-спальню родителей, где сейчас храпит успевший ужраться в хлам батя.

Перегарище стоит просто адовое. Еще и густая табачная вонь в спертom закрытом помещении бонусом добавляется, заставляя глаза слезиться.

Открываю окно нараспашку, чтоб хоть немного проветрить, и, вытащив тлеющий бычок из зажатых пальцев, тушу его в пепельнице.

Засыпать с зажженной сигаретой – явление у предков едва ли не ежедневное. Как мы все еще не погорели к чертовой матери, я не знаю. Тупо везет, не иначе.

Состояние задолбанное, охота вырубиться без задних ног, вот только сон, как назло, не идет. Битый час от скуки за-

липаю в новостную ленту, а когда наконец начинаю уходить в дрему, из приятной расслабленности меня вырывают ритмичный стук и скрип разваливающегося дивана аккуратно через стену. Там, где осталась кухня.

Надрывающиеся женские стоны не заставляют себя ждать.

А-а-а! Опять! Достало!

Минута, две, три... Больше не выдерживаю. Впопыхах одеваюсь обратно и пулей вылетаю из квартиры.

Подобные звуковые представления давно стоят поперек горла. А если батя сподобится проснуться, то все закончится еще и матерным скандалом, помноженным на мордобой. Каждый раз надеюсь, что кто-нибудь кого-нибудь в итоге прирежет и эти пьянки закончатся, да все никак.

Выхожу на ночную улицу, освещенную фонарями. Первый час ночи, а оживление хоть куда. Во дворе, под самодельным навесом, местные мужики эмоционально играют в домино, а чуть дальше, на лавочке, компания помоложе сидит с бутылками, пока мелочь без присмотра носится где придется, рискуя переломать конечности. Помним такое, проходили.

Идти недалеко, буквально через пару домов, к соседней девятиэтажке. Набираю код домофона и поднимаюсь пешком на шестой. В такое время суток, конечно, не очень прилично заявляться без спроса, но в данном случае можно. Этот сценарий давно отработан.

Дверная трель с противным подхрипыванием глухо разно-

сится в недрах. Не услышать сложно. Поворачиваются ключи в замках, и на пороге появляется Яна. Слегка сонная, со сбившимся пучком и в домашней растянутой футболке-размахайке.

Все. Штаны отсутствуют. Только трусы.

– Дома есть кто? – деловито уточняю вместо привета.

– Мама лишь утром придет.

– Отлично, – без разрешения прохожу внутрь, закрывая за нами дверь.

Вот и решилась проблема с ночлегом.

* * *

– Вить, прошу, постарайся не нарываться. Ничем хорошим это не закончится.

– И что, надо просто молчать?

– Ты их все равно не изменишь. А проблем наживешь.

– Не изменю, так заставлю фильтроваться.

– Эти дети неисправимы. Им с пеленок внушали, что они стоят во главе эволюционной цепочки, что, по сути, верно.

– Они стоят выше, потому что их родители чего-то добились. Сами же они ничего собой не представляют.

– Но считают иначе. И остальные считают так же. Сам подумай: кто большая помеха? Бизнесменский сынок или безымянный ученик, за которого никто не вступится?

Будто я сам не знаю, что Нора права. Только от этого сто-

ять в стороне, если ее оскорбляют, не собираюсь. Не позволю ни одной гниде.

Пока ее сестра, бухая, валялась на улице, так и не дойдя до детского сада, именно она забирала меня, везла к себе, кормила, поила, одевала и занималась.

По сути – Нора меня и воспитывала. Пыталась забрать с концами, но, просыхая, предки устраивали ей скандалы с погромом, забирая меня обратно. Кто-то ведь должен был таскать им бухло из ближайшего круглосуточного, а кто это делает лучше шестилетки, верно?

Однако родная тетка всегда оставалась на подхвате. Даже пристроила меня сюда, чтоб приличный старт обеспечить. Заверяет, что ей сделали хорошую скидку как работнику, но я знаю, что она брешет и оплатила всю сумму из своего кармана, понабрав долгов.

Так что хрена лысого. Любую мразь, что посмеет ей что-то вякнуть, размажу по стенке. И долг верну. Уже почти полностью вернул.

– Плесни мне кофе, будь добра, – протягиваю ей опустевшую чашку, давая понять, что тема закрыта и возвращаться к ней мы не будем.

Нора лишь вздыхает, уходя к кофемашине.

– Заберешь сегодня Мию после продленки? Я опять не успеваю. Надо провести инвентаризацию.

Мия – ее дочь. Та еще гиперэнергичная мелочь.

– Заберу.

Заберу. Отведу домой, покормлю, сделаю с ней уроки. Как всегда.

– Если у тебя были другие планы, я попрошу Сережку закрыться пораньше.

Ну а Серега – ее муж, работающий в автомастерской. Хороший мужик, кстати.

– Нет планов. Сказал, заберу, значит, заберу.

– Спасибо. – Мне подносят свежесваренный американо. – Пей и беги. Занятия скоро начнутся.

– Подождут.

Там все равно каждый раз после звонка творится вакханалия. От полноценного часа на урок отводится хорошо если половина времени. Остальное же – маразм на маразме, маразмом подгоняемый.

Что я и говорил. Когда захожу в кабинет, препода еще нет, зато остальные на ушах стоят: в десны долбятся, электронными испарителями накачиваются, селфятся. Мартышки на выгуле.

Прохожу мимо Саламандры, краем глаза замечая раздраженные черкания в толстой тетради. Кто-то не сделал домашку, ай-яй-яй. Собственно, как и большинство, но она хотя бы заморочилась ею.

– Умножь числитель и знаменатель в полученной дроби на x^2 в квадрате, – советую.

Не слышит. Но замечает.

– Что? – вытаскивая из уха наушник, переспрашивает

Алиска.

Она с затычками постоянно ходит?

– Умножь числитель и знаменатель в полученной дроби на x в квадрате.

– Так? – неуверенно и в глубочайшей бессмысленности рисует по клеткам.

– Так. А теперь раскрой скобку в знаменателе и возведи в квадрат в числителе. – Вот это ступор. Бегущей строки на лбу не хватает: *что за дичь ты мне втираешь?*

Молча забираю у нее ручку, дописывая раскрытую формулу для заданной функции. На которую смотрят, как на препарированную крысу.

– Какая бредятина, – брезгливо морщатся.

– Всего лишь задачка за десятый класс.

– В алгебре я понимаю лишь таблицу умножения. Дальше лучше не соваться, чтобы не сломать мозг.

– Странно. А мне казалось, ты типа умная.

По крайней мере, насколько успел заметить: хорошистка по всем предметам и любимица всех преподав. Последнее очевидно по какой причине: потому что ведет себя адекватно.

– Я просто отлично притворяюсь.

– Что еще взять с блондинки, – с усмешкой возвращаю ей ручку и ухожу в конец ряда.

С последних парт открывается отличный наблюдательный пункт. Опять же, тыл прикрыт, обеспечивающий отсутствие

шушуканий за спиной. Ну и вздремнуть можно спокойно, когда становится совсем тоскливо. Короче, сплошные плюсы.

А сегодня как раз один из тех аморфных дней. Неудивительно, что меня прям конкретно вырубает. Настолько, что финального звонка не слышу. Если бы парту случайно не толкнули, так бы и дрых. Хотя ведь под завязку залился кофеином, но тот, видимо, уже настолько всосался в кровь, что уже не воспринимается.

Зевая, плетусь в мужскую раздевалку: если и парная физра не встормошит, то уже ничего не поможет. Хотя нет, кое-что очень даже поможет...

Коротенькие спортивные шорты на Чижовой, например.

Черт, а девочка-то хоть куда: все при ней. Попец, ножки, фигурка. И даже, ха, пирсинг в пупке из-под маечки выглядывает.

Миленько. Эдакий безмолвный протест хорошей девочки, которая очень хочет стать плохой, но стесняется?

Хм. У меня вопрос: почему я не обратил на болтающуюся висюльку внимания на прошлой физкультуре?

А, точно. Потому что на предыдущем занятии она скромно сидела на лавочке. Это что же, в бассик она тоже пойдет? Не, ну ради возможности посмотреть на нее в купальнике я прям даже сам дотуда дойду.

Пробежка на свежем воздухе, разминка, волейбол – прогретые мышцы благодарны, спору нет, а вот общее состояние

не очень. Охота уже поскорее закончить и завалиться куда угодно, лишь бы в горизонтальной плоскости. Что светит не скоро, так как мне еще в няньку надо поиграть.

Нет. Сон откладывается до лучших времен.

После душа обнаруживаю в оставленном в шкафчике раздевалки телефоне пропущенные от Костяна. Сразу перезваниваю, правда, приходится выйти в общий и наудачу почти пустой коридор.

– Я уже думал, отбой. Чего трубу не берешь? – сквозь механическое тархтение раздается на том конце. Кто-то, судя по всему, в подземном переходе. Слышимость отвратная.

– Не слышал.

– Ты не слышал, а я ненагрешившая девственница у монастыря, чтоб ждать ответа. Просто скажи, ты в деле?

– Само собой, – замираю у панорамного окна, уставленного горшочными фикусами. – Когда, где и во сколько?

– Сегодня. В десять. Арена на Промышленном.

– Сколько?

– Ставка полтораха. Дальше сам знаешь: как повезет.

Знаю. Иногда так везло, особенно поначалу и неопытности, что Нора забирала меня из больнички переломанным и почти заново собранным.

– Принял. Десять. Арена на Промышленном, – закрепляю результат, отключаюсь и собираюсь уже было вернуться в раздевалку, но нос к носу сталкиваюсь с Чижовой, вынырнувшей из-за декоративной колонны. И давно она там ныка-

ется? – Да я тебе понравился, смотрю. Аж по пятам ходишь.

– Вот уж точно. Где мне еще найти эксгибициониста, шныряющего по школе голышом, – снисходительно кивает на мой внешний вид. – Полотенчко поправь, а то свалится.

– Какое полотенчко? А, ты про это, – как бы невзначай задеваю заправленный хвостик на поясе, и тот распускается окончательно. Ловлю с лентой, давая возможность хорошенько всего себя осмотреть. – Упс. Извиняйте.

– Извиняю.

У-у-у. Сама невозмутимость. Думал, скромная девочка смутится, а она стоит с античным спокойствием. Ни один мускул не дрогнул. Каждый день, что ли, члены разглядывает?

– Теперь твоя очередь, иначе нечестно, – запахиваюсь обратно, так и не дождавшись оваций. Что за неуважение? Я оскорблен.

– Неубедительный довод.

– Логично. Я ж не сильно-то и старался.

– Ну вот в следующий раз постарайся. Так что там у тебя намечается сегодня, в десять? Что-то интересное?

Ишь какая любопытная.

– У блондинок ушки на макушке, да?

– А это секрет?

– Не секрет. Но нежным цветочкам вроде тебя там точно не место.

– Заинтересовал.

– Не лезь куда не следует, Саламандра. Ничем хорошим

это не закончится.

– И не собиралась. – Заметно поморщившись при упоминании прозвища, Алиса подходит ближе, вытягивая вперед серебряный крест, который я всегда ношу перекинутым за спину. – Наверное, – многозначительно играет тонкой бровью и, похлопав меня по еще влажной после душа груди, уплывает к лестнице.

Охренеть. Только не говорите, что ей хватит ума притащиться?

* * *

Система проведения любительских подпольных боев предельно проста: оставляешь нужному человеку заявку и ждешь вердикта. Рано или поздно позовут. Хилых – как пушечное мясо; тех, кто помощнее – для зрелищности.

Если участвуешь не первый раз и наработал некий рейтинг среди публики, так и вовсе будут приглашать сами. Ради ставок. В конце концов, именно они основной источник дохода. Спонсоров ведь в теневом спорте не существует.

Помимо тотализатора, платный и вход – чтобы попасть сюда, придется раскошелиться. В итоге из суммарной прибыли орги забирают себе небольшой процент, а остальной гонорар достается бойцам по договоренности.

Хотя и тут есть свои исключения. Добровольно сдать, если понимаешь, что тебе кранты, можно, правда, тогда уй-

десь пустым. Зато на своих двоих. Я пока ни разу не сдавался и за без малого месяц смог частично вернуть долг Норе по оплате учебного года.

Из-за незаконности организаторы работают дотошно. Часто меняют места сходов и тщательно проверяют не только каждого участника, но и зрителей. Оно им надо, чтоб среди толпы затесался мент?

Я сам попал сюда случайно, через систему шести рукопожатий: улица воспитывает, она же и дает нужные знакомства. Пришел. Зассал, увидев потенциальных соперников, но попробовал. В первом же спарринге получил по роже, сломал два ребра и отлеживался месяц. А как встал на ноги... вернулся.

Шальные деньги слишком заманчивы, чтобы упускать возможность. Настолько заманчивы, что не пугает даже перспектива оказаться в морге. Правда, на моей практике летальных исходов пока не было, но пацаны рассказывали, что случаи бывали. Однако даже это не убавляет пыла у участников. Большинству все равно нечего терять. Так же, как и мне.

Нелегальные бои без правил прелестны тем, что правил в них нет. Дерутся без защитных приспособлений, голыми по пояс. Бьешь куда хочешь и чем хочешь. Главное, без использования подручных предметов.

Допинг-контроля нет. Вес не имеет значения. Неспортивные приемы в духе оскорблений мамки приветствуются.

Причем этим не чураются ни боксеры, ни самбисты, ни рукопашники. Деньги-то не пахнут. Да и в запале быстро забываешь о морали.

Негласное правило, конечно, имеется: не добивать противника, если он и так валяется в нокауте. Добьют – претензий быть не должно. «Скорую», конечно, вызовут, но в протоколе напишут, что подобрали такого на улице. Начнешь болтать – хорошим для тебя не закончится.

Это мы, шпана без рода и племени, а вот основатели таких сборищ, коренастые молодчики с восточным колоритом, дядьки солидные. С такими лучше не ссориться. В конце концов, они платят нам как раз таки за молчание. И за зрелище.

Как правило, места для таких мероприятий снимают в небольших ПТУ, школах или сданных под аренду подвальных помещениях. Обязательно подальше от центра. Вот и сегодня я еду в спортивный зал на цокольном этаже недавно закрытого фитнес-центра.

На входе стоит нанятый секьюрити, обязанный следить за тем, чтобы на горизонте не маячило подозрительных личностей и полицейских мигалок. Здравуюсь с ним, называю «позывной», который пробивается по списку, и прохожу внутрь.

К моему приезду народу уже битком, с трудом протискаюсь к Костяну, возле которого собрались все сегодняшние бойцы для жеребьевки. Он тут кто-то вроде менеджера

и букмекера.

– Дарова, – пожимаем друг другу руки, и в перевернутую бейсболку бросается еще одна маленькая бумажка с моей боевой кличкой – Сорока.

Согласен, рядом с Иглой, Пропеллером и Мясорубкой звучит достаточно уныло, но, когда надо было себя как-то обозвать, я не стал выпендриваться.

Ну назовусь Терминатором, а потом что? Меня уделаёт под орех Маленький Гном, и Терминатор сторит от стыда? Нет. Лучше уж показать в деле, чего ты стоишь, чем кичиться богатым воображением. Им здесь как раз никого не удивишь.

Тянем жребий. Я в третьей паре, в соперники выпадает Хан. Колоритный персонаж с татарскими генами. На несколько лет меня старше, бывший дзюдоист. Зовут Вася, но это неточно. Паспорта здесь никто не спрашивает, поэтому можно назваться любым именем.

Пока первая группа «гладиаторов» выходит на условный ринг, из обозначений у которого лишь собранная вокруг тонких матов вереница зрителей, мы с ним обмениваемся вежливой беседой.

Кстати, нормальный в целом парень. И собеседник ничего. Вопреки расхожим мнениям лютой ненависти между участниками нет. В обычное время ничто не мешает нам чисто по-дружески сходить, скажем, в бар. Даже если накануне кто-то кому-то выломал челюсть.

Пока стою с Ханом, подходит Яна, которой я отдаю на сохранение сумку и снятую цепочку. Давно уже отработанная схема, потому что добро свое лучше без присмотра здесь не оставлять. Умыкнут. Даже в общей раздевалке.

Переодеваюсь в спортивные вещи, оставшиеся после физры, и возвращаюсь к ней, наблюдая за тем, как юркий Пропеллер под улюлюканье толпы выколачивает пыль из грузной Мясорубки.

Казалось бы, все должно быть строго наоборот, но тут не угадаешь. Порой мелкий и хилый так прытко работает конечностями, что даже у профессионального боксера не остается шансов.

В итоге Пропеллер побеждает, и, если захочет, его ждет сегодня еще один бой. С тем, кто так же пройдет в следующий этап. Возможно, даже со мной. Если повезет.

Адреналин стремительно закипает, отгоняя и усталость, и сомнения. Поэтому, когда по сигналу выходим с Ханом на ринг, от сонливости, что преследовала меня весь день, не остается и следа. Мозг лихорадочно включается в процесс, вырабатывая стратегию.

Куда бить? Где наиболее уязвимое место соперника? Что-то можно сразу предугадать, но по большей части прощупываешь нюансы именно в процессе.

Рефери отдает приказ начинать, и именно в эту секунду замечаю знакомые светлые волосы среди толпы...

Саламандра?!

Охренеть, все-таки явилась! Вот ведь отчаянная!

Настолько опешиваю, что на доли секунд забываю, где нахожусь. Хану только того и надо. Меня без жалости подлавливают ударом в голову. С такой силой, что улетаю на тонкие маты, долбанувшись затылком.

Глава третья

Ты меня не потянешь

POV САЛАМАНДРА

О том, что Сорокин меня видел, я, конечно, догадывалась. Поэтому даже не сомневалась, что расспросы неминуемы. Но вот чего я не предусмотрела, так это того, насколько радикально тот подойдет к делу.

На следующий же день, за пару минут до начала урока, мой рюкзак, лежащий на соседнем стуле, с пинка улетает на пол, а сам он, с треском бросив на парту учебник, падает на освободившееся место.

– Алисе не понравилась кроличья нора, и она сбежала с чаепития? Безумный Шляпник грустит, – едко замечает.

Не сбежала, а ушла. Смысла находиться и дальше на этом сборище больных садистов все равно не было. Вполне хватило получаса.

– Вещи мои подними, будь любезен, – мирно откликаюсь, листая тетрадь с конспектами по биологии.

«Сходства и различия в строении конечностей у разных позвоночных».

А так ли это важно, если некоторым позвоночным на-

столько все равно на эти свои конечности, что они с охотой их ломают себе и другим? Другие же позвоночные с азартом делают ставки на результат.

Когда мне предложили участвовать в тотализаторе, я чуть в осадок не выпала. Видимо, деградация человеческого вида неизбежна.

– Сама поднимешь. Ты мне скажи: у тебя инстинкт самосохранения присутствует? Какого дьявола ты полезла туда, куда хорошим девочкам соваться не следует?

– Захотела и полезла.

– Захотела? Я думал, ты умнее.

– Зря. Я умею удивлять, – равнодушно откликаюсь, на что тетрадь раздраженно вырывают из моих рук и швыряют в магнитную доску на стене.

– У, по косо́й пошла, – глумливо замечают сзади и запускают следом учебник. Идиоты.

– Тебе как, в больничку провериться не надо? – сердито поворачиваюсь к Вите. – Я не медик, но сотряс ты вчера, очевидно, словил.

Потому что видок у него плачевный. Лицо разбито и местами посинело, а костяшки словно теркой с особым садизмом шлифовали. Что там под рубашкой прячется, даже представить страшно, потому что лупили соперники друг друга без жалости.

Чем там все закончилось, не знаю. До конца представление я не досмотрела. В отличие от других.

Не люди, а гиены. Пока протискивалась сквозь вонючую от пота толпу обратно к выходу, столько вслед сальных шуточек словила, что потом не меньше часа дома отмывалась с мочалкой.

– Я чувствую себя прекрасно, – саркастично салютует мне двумя пальцами Витя. – Спасибо, что беспокоишься. Могу оказать ответную услугу и дать совет: больше так не делай.

– Почему?

– А тебе нужны проблемы?

– Это угроза?

– Ты чем слушаешь, белобрысая? Сказал же, совет. – Со-рокин понижает голос, чтоб нас не услышали остальные. Хотя они не больно-то и слушают. Заняты тем, что вырывают из рабочих тетрадей листы и запускают самолетики. Начальный класс, подготовительная группа. – В таких местах *очень* любят миленьких, хорошеньких девочек. Особенно когда они приходят одни. Тебя когда-нибудь пускали по кругу? – брезгливо морщусь. – Нет? Ну так попробуешь. И еще радоваться будешь, если только этим ограничится. Потому что, поверь, некоторым персонажам глубоко наплевать, кто там твой папочка и какие у него связи. Главное, что мордашка смазливая.

– Приму к сведению.

– И кстати, болтливых у нас тоже не любят. Это так, для справки.

– У вас? У вас – это у кого?

– Ты меня услышала?

Тонкий намек, чтоб я не распространялась о том, что видела? Да и не собиралась. Не вижу смысла. Хотят выколачивать из себя последние мозги – на здоровье. Мне-то до этого что?

Я решилась поехать в неизвестность и разведать обстановку лишь ради того, чтобы понять, что собой представляет эта Сорока. Опрометчиво, не спорю, но...

Не сказать, что на все вопросы были получены ответы, но, откуда растут ноги у его агрессии и мании распускать кулаки, вполне очевидно. И достаточно, чтобы сделать выводы: от человека с подобным хобби стоит держаться подальше.

Кто знает, как часто и как сильно его уже били по голове? Может, ему плевать, кого мутузить? А если в следующий раз не тетрадь в стену полетит, а что-нибудь поувесистее?

Но и подобным тоном с собой разговаривать я ему не позволю. Если пытается запугать, пусть идет к черту.

– А чего это ты так за меня переживаешь? – с вызовом интересуюсь. – Боишься, что и тебе заодно прилетит? За то, что слил пароли и явки? Интересно, а тебя тоже тогда по кругу пустят? Вот на это я бы глянула.

– Дура.

– Может быть. Но я когда-нибудь обязательно поумнею, а тебе с твоими развлечениями скоро предстоит лежать овощем и кушать кашку через трубочку, – демонстративно достаю из футляра наушники и втыкаю в уши.

Музыку пока не включаю, поэтому слышу, как, сопроводив все нецензурной лексикой, со стула подрывается, вылетая из кабинета.

Кажется, я его выбесила.

* * *

Вечерняя прогулка с Чарой – стандартный променад. Правда, сегодня он слегка припозднился по срокам, но так даже лучше.

К одиннадцати набережная уже практически пустует, а побережье и вовсе свободно. Зато негромко играет музыка с открытых площадок, а по всему периметру горит подсветка, окрашивая тропинку с пальмами переливающейся радужной палитрой.

Пользуясь безлюдностью, спускаю пса с поводка, и тот, окрыленный свободой, моментом уносится вперед. В дневное время так сделать не рискнешь, слишком много выслушаешь потом о себе и своем питомце.

И это при том, что Чара у меня ярая пацифистка. Укусить никогда не укусит. Максимум залижет до щекотки, но тоже выборочно. К кому попало не пойдет. Детей вот обожает, а взрослых по большей части сторонится. Если не сказать, что боится.

Думаю, это психологическая собачья травма. Когда водила ее в ветеринарку после того, как нашла, на рентгене об-

наружились старые зажившие переломы. Носиться как угорелой сейчас ей это не мешает, однако я с ужасом представляю, насколько же бедняжке больно было тогда.

Минута, две, три. Чара испарилась.

На зов не реагирует, в поле зрения не промелькивает. Умчалась куда-то в отвлечение, где уже не так освещено, а музыка едва слышна. Собственный голос в образовавшейся тишине звучит пугающе громко.

Улавливаю тихое гавканье и спешу туда, обнаруживая питомца возле лавочки, на которой одиноко сидит человек в черном балахоне. Разглядеть его сложно из-за натянутого капюшона, понятно только по комплекции, что не девушка. И что он кормит мою собаку чем-то прямо с рук!

– Чара, ко мне! Сколько раз говорила, не бери ничего у незнакомцев, – с досадой подхожу к любимице, пытаюсь оттащить за ошейник.

Какой там. Она так-то особа крупногабаритная. А когда упрямится, и вовсе словно в землю вращается.

– Не отравлено. Это обычная ветчина, – для подтверждения машут мне надкусанным сэндвичем, какие продаются в любом продуктовом магазинчике.

– Не надо ей таких деликатесов. Потом лечиться замучаюсь.

– Ты уж не утрируй, Чицова. Сколько ем, пока живой.

Чицова? Откуда он знает мою фамилию?

Хотя да, голос знакомый. Недоверчиво всматриваюсь в

черты, но из-под капюшона выглядывает только подбородок. Заметив, что я его не узнаю, парень делает одолжение и выпрямляется, вскидывая на меня голову.

От удивления выпускаю ошейник.

Офигеть, Сорокин!

– Ты-то что здесь забыл?

– Ужинаю под звездами. Не видно?

Видно. Сэндвич, вскрытая жестяная банка сэвэн апа и пачка сигарет – ужин богов.

– И давно ошиваешься в этих краях? Я тебя здесь прежде не видела.

– Так и я тебя тоже. Может, мы просто друг друга не замечали? Но ты, конечно, девица отчаянная. Так и ищешь неприятностей на задницу.

– Сейчас-то что не так?

– Шляешься одна по подворотням.

Ну, этот закоулок сложно назвать подворотней, однако толика правды в его словах есть – местечко не самое удачное. В таких обычно тайком курит персонал ближайших гостиниц. Чтоб не светиться перед посетителями.

– Я не одна, – резонно замечаю.

– А, ну да. С тобой же грозный сторож, – насмешливо чешет Чару, а та только и рада. Льнет к нему, выпрашивая еще кусочек. Предательница. За ветчину продалась. – Чихуа-хуа всех разобрали? Я думал, богатые девочки предпочитают карманных собачонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.